

Л. Н. Гумилев. 1930-е гг.

С Львом Николаевичем Гумилевым я познакомилась совершенно неожиданно. В этом знакомстве была какая-то фатальность. Ведь я выросла на стихах Анны Ахматовой, Николая Гумилева и Александра Блока. Это были мои любимые поэты, мои кумиры с раннего детства. Именно их стихи в основном читались на маминих литературных вечерах, и они остались со мной на всю жизнь.

Так вот о самом знакомстве. Узнав о том, что в Академии художеств впервые создается факультет теории и истории искусств и объявлен прием студентов, я, только что вышедшая замуж за художника К. С. Козьмина, решила, что это именно то, что мне необходимо. В начале лета, взяв с собой рюкзак книг, нужных для подготовки к экзаменам, мы с мужем отправились в Оредеж на любимый нами хутор рядом с бывшим имением Панферовых. И все было бы хорошо, если бы, купаясь, я не простудилась и не слегла с высокой температурой. Обострились все старые болезни, и о переезде в город нечего было и думать.

Вернулись мы в Ленинград только в сентябре. Позвонив в академию, я узнала, что конкурс был семь человек на место и что первый курс уже начал заниматься. Казалось бы, год пропадает, но недаром же по восточному гороскопу я Огненный Дракон — и я поехала в академию, надев свое самое любимое синие сатиновое в белых горошках платье с большим белым воротником и большую широкополую панаму. Узнав, в какой аудитории занимаются искусствоведы, я решила хоть посмотреть на счастливиц и, встав у окна напротив аудитории, ждала звонка на перерыв. Звонок прозвучал, и из дверей вылетела прямо на меня группа молодых лю-

Моя встреча с Л. Н. Гумилевым

М. В. Зеленцова

дей, которые тут же начали интересоваться, почему я не поступила. Зазвонил звонок на занятия и, выразив свои сожаления, молодые люди вернулись в аудиторию, а я грустно побрела к выходу. Но тут случилось то, чего, вероятно, я и ждала, решив приехать в академию. В мою судьбу вмешался «его величество господин Случай». Только-только я спустилась по круглой каменной лестнице на первый этаж, как на меня надвинулась маленькая, но очень полненькая «фигурка» с огромной папкой под мышкой, окруженная толпой студентов, я отступила к стене, но «фигурка» обернулась, что-то сказала одному из студентов, который тут же подлетел ко мне и сказал, что со мной хочет поговорить профессор Рудаков. Работы Константина Ивановича я, конечно, уже знала и мне они очень нравились, поэтому я охотно подошла. «Ну что, провалилась?» — сказал он. Пришлось объяснять ситуацию. Все последующее было уже как во сне. Оставив свою папку кому-то из студентов, Константин Иванович открыл дверь, и мы оказались в маленькой комнате, где за столом сидел черноволосый человек, как позже выяснилось — декан искусствоведческого факультета. «Посмотри, Саша, — сказал Константин Иванович, — какая девушка не поступила на твой факультет, а ведь я бы ее даже маслом начал писать, вот так носик, а вот так волоски», — показывал он. Тут Александр Сергеевич Гушин, а это был именно он, начал терпеливо объяснять Константину Ивановичу, почему меня нельзя принять сейчас, но тот и слушать ничего не хотел — ему была нужна именно такая натура и именно сейчас. Позже я узнала, что сам Гушин был принят в академию недавно и именно по рекомендации Константина Ивановича. Впрочем, Александр Сергеевич ничем особенно не рисковал, написав мне пять записочек к пяти преподавателям с просьбой принять у меня экзамены по их предметам, ведь срок на все это был — одна неделя! Правда, он сказал, что экзамен по истории искусств будет принимать сам.

И что же вы думаете я сделала, получив эти пять записочек? Зажав их

в кулак, я помчалась снова на второй этаж, к 306-й аудитории, чтобы поделиться своей радостью с молодыми людьми, которые так приветливо меня встретили, и расспросить их о педагогах, которым мне предстоит сдавать экзамены. Они же поинтересовались, какой экзамен я считаю для себя самым трудным, и на мой ответ — конечно, по всеобщей истории, один из них открыл дверь в аудиторию и громким голосом стал вызывать какого-то Отто Бекмана. Как видите, я не забыла этого имени за все прошедшие с тех пор 60 лет, т. к. тут последовало второе чудо того дня — появившийся на пороге солидный молодой человек в роговых очках, выслушав меня, взял номер моего телефона, спокойно заявил, что вечером мне позвонит Лев Гумилев, с которым он живет в одной комнате университетского общежития, придет ко мне, а т. к. он является лучшим студентом исторического факультета, то все мои проблемы с экзаменом по истории будут решены. Раздался звонок, ребята ушли, а я, онемевшая и обомлевшая, осталась стоять, не смея поверить, что это не сон и не сказка, что в моем доме может появиться сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева! Все эмоции (а я их помню до сих пор) описать невозможно, но из академии в тот день я не уходила, а улетала на крыльях любви к Отто Бекману, поэзии и вообще ко всему свету. Мне все не верилось, что Лева позвонит, но чудеса продолжались — он действительно позвонил, и мы договорились, что на следующий день он может приехать после лекций, в четыре часа.

И вот звонок. До сих пор совершенно отчетливо я вижу Льва Гумилева, студента третьего курса исторического факультета Ленинградского университета, на пороге нашей квартиры. Он был очень хорош: темные, прямые, довольно длинные волосы под широкополой черной шляпой, широкие скулы и широко посаженные, немного раскосые глаза.

Помните у Анны Андреевны:

*Мне от бабушки татарки
Были редкостью подарки,
И зачем я крещена,
Долго гневалась она...*

А фамилия Ахматова — это псевдоним от татарского имени Ахмет.

Узнав, что на подготовку к экзамену по истории у меня есть шесть дней, Лева сначала удивился, потом рассмеялся, потом решил, что мой познания по всемирной истории за шесть дней, пожалуй, улучшить не удастся. По обоюдному согласию мы посвятили эти дни только поэзии. Конечно, я сразу призналась ему в своей любви к стихам Анны Андреевны и Николая Степановича, а он мне в том, что немного пишет сам. И шесть дней мы читали и читали! К тому времени я уже знала наизусть почти все стихи из сборников «Четки», и «Подорожник», и «Белая стая», «Сентиментальное путешествие», «Заблудившийся трамвай» и др. Диктовать мне свои стихи Лева отказался. Я записывала с его голоса как успевала и запоминала и берегла их, но в блокаду на бумагу попала вода, она пожелтела и склеилась, и все же я сдала их в Российскую национальную библиотеку.

Так как Лева приходил ко мне все дни только после лекций, то по утрам я «расправлялась» в академии с гушинскими записочками. Надо сказать, что мне ужасно повезло, потому что по двум основополагающим предметам советского времени — диамату и истмату — у меня были сданы экзамены в Институте им. Лесгафта, и я получила оттуда справку.

Что же касается иностранного языка, то я выбрала французский, так как у бабушки была приятельница, служившая до революции гувернанткой, со знанием французского языка. Несколько лет она занималась с нами играми на французском языке. Это, конечно, очень смешно, но того словарного запаса оказалось достаточно, чтобы зачет по иностранному языку был мне поставлен.

Теперь мне надо было решить последнюю, и самую сложную, проблему — проблему всеобщей истории, которую мы с Левушкой Гумилевым так изумительно «изучали» целых пять дней.

Я, конечно, понимаю, что серьезные люди, и особенно педанты, осудят меня за фамильярность, которую я допускаю по отношению к такому известному ученому, как Лев Николаевич Гумилев. Но когда я что-то вспоминаю из прошлого, что-то дорогое и важное, я погружаюсь в то время, атмосферу, обстановку и зримо и ясно вижу ее и ощущаю.

Ну, а теперь я еще раз перенесусь на 60 лет назад и войду в 306-ю аудиторию Академии художеств, где в вы-

соке кресле, в бобровой шапке и шубе (в академии тогда не топили, и стоял адский холод), как-то отрешенно и одиноко сидит очень старый человек — профессор Боргман, которому я и должна сдать эту «загадочную» всеобщую историю. Я подошла и представилась, он указал мне на стул, я села и, глядя на его сухое, изможденное лицо с седой бородкой клинышком, сказала ему, что я не знаю всеобщей истории, что в наших школах ее не преподавали (и это была правда), но что все экзамены по его предмету я буду сдавать только на отлично. Александр Иванович внимательно посмотрел на меня, взял со стола гушинскую записку и написал на ней: «Зачтено. Боргман».

М. В. Зеленцова. Фото. 1935 г.

Ни к одному экзамену в течение двух лет, пока профессор Боргман читал нам свои лекции, я не готовилась так тщательно. И всеобщую историю сдавала с удовольствием. И, по видимому, Александр Иванович запомнил мой самый первый экзамен, который дал мне возможность быть принятой в академию на первый семестр экстерном, а после сдачи зимней сессии на «отлично» стать полноправным студентом факультета истории и теории искусств Всероссийской академии художеств.

Почему я считаю, что Александр Иванович запомнил меня. Да потому что на всех последующих экзаменах, после того как я отдавала ему билет, он всегда закрывал глаза (наверное, для того чтобы не смущать меня), никогда не задавал никаких дополнительных вопросов, ставил очередное

«отлично» и отпускал благосклонным кивком головы.

Я понимаю, что мне надо извиниться перед читателями моей рукописи (если таковые вообще найдутся) за чудеса, связанные с моим поступлением в Академию художеств. У меня есть только одно оправдание: за все пять лет обучения по всем предметам я сдавала экзамены на «отлично» и только один раз на четвертом курсе при очень забавных обстоятельствах я получила свое единственное «хорошо». Экзамен был по истории архитектуры XIX в. Его принимал изумительно читавший лекции и прекрасный человек Герман Германович Грин, а русское искусство XIX в. скучно, я бы сказала — занудно, читала лекторша, имени которой я не буду называть. Так вот, на ее лекциях я и мои друзья-однокурсники сидели на «галерке», так у нас назывался последний ряд нашего амфитеатра 306-й аудитории, и, как правило, играли в «балду» — очень модную игру того времени. Игра была очень азартная с непредсказуемым концом, и, конечно, удержаться от смеха было очень трудно. И вот однажды прозвучал вопрос: «Зеленцова, чем вы там занимаетесь?» И так как я с детства знала, что ложь — мать всех пороков, я встала и сказала, что мы играем в «балду». Вот эту-то «балду» припомнила мне наша не очень любимая нами «лекторша» после моего ответа по билету, засыпавшая меня дополнительными вопросами. И надо же было, чтобы последним был вопрос о передвижниках! И это мне — специализирующейся по новому западному искусству, ученице Николая Николаевича Пунина, последнюю практику проходившей в Москве, в музее, в котором я писала о Пикассо и Ван Гоге и делала экспозицию зала Анри Матисса!

Наверное, было нехорошо говорить, что я не люблю передвижников за их натурализм, но если кому-нибудь хватило терпения дочитать мои записки до этой страницы, то он уже давно понял, что мой характер был далеко не самым покладистым.

«А напоследок я скажу», что Герману Германовичу я, конечно, сдала архитектуру на «отлично», и после долгого спора между педагогами, в котором «дама» требовала «тройку», а Герман Германович говорил, что он это не может сделать, — я и получила единственную «четверку» за пять лет. Это можно проверить, т. к. моя красная зачетная книжка лежит в моем архиве Российской национальной библиотеки.